

ДЕЗЕРТИРСТВО В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

А. И. Чепель

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Поступила в редакцию 19 октября 2016 г.

Аннотация: *рассматривается проблема дезертирства в шведско-русском приграничье после Столбовского мира; используются архивные материалы, отражающие постоянную напряженность в приграничье. Автор делает выводы о причинах проблемы дезертирства и путях ее решения.*

Ключевые слова: *шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, дезертиры.*

Abstract: *the article is dedicated to deserters' problem in Swedish-Russian border region after the Stolbov peace treaty. The article is based on archival documents, reflecting a constant tensions in the border area. The author makes conclusions about the causes of deserters' problem and ways of solving it.*

Key words: *Swedish-Russian border region, Stolbov peace treaty, deserters.*

Одним из важнейших последствий русско-шведского Столбовского мирного договора, заключенного в 1617 г., было проведение новой границы, которая прирезала северо-западные русские земли в пользу Швеции. Несмотря на подтвержденные договором территориальные потери, русское правительство искало пути сближения со Швецией: обе страны, только что вышедшие из состояния войны, стремились наладить стабильные торговые отношения, а также вести совместную борьбу против общего врага, Речи Посполитой [1, с. 4].

Активизация усилий обоих государств-соседей по решению политических задач вооруженным путем увеличивала военные тяготы населения по обе стороны границы, что, в свою очередь, приводило к разрастанию проблемы дезертирства, которая в приграничных землях обладала своей спецификой. Согласно Столбовскому договору, на отходящих к Швеции территориях обязаны были остаться крестьяне-земледельцы и приходские священники, обслуживающие культурные потребности крестьян. Сумев настоять на этом требовании в ходе переговоров в Столбово, шведское правительство, с одной стороны, обеспечивало полученные от России земли работниками, а с другой – вынуждено было теперь мириться с тем, что у самой границы с Россией компактно проживает православное население, сохранившее связи (конфессиональные, родственные, деловые) со своими бывшими соотечественниками, оставшимися по русскую сторону рубежа. Таким образом, юридически разделенное линией границы население фактически продолжало находиться в едином культурном пространстве, что, в частности, создавало благоприятные

возможности для трансграничного дезертирства. В данной статье на базе архивных материалов исследуются конкретные причины разрастания приграничного дезертирства и пути противодействия этому явлению со стороны властей обеих стран.

Важно отметить, что во вновь образовавшемся приграничье местные жители играли существенную роль в защите рубежей: они привлекались для заставной службы как с русской [2, л. 1], так и со шведской стороны [3, л. 1]. В достаточно малолюдной Швеции вооруженные силы формировались из уроженцев разных стран [4, л. 2; 5, с. 131–132], и на территориях, отошедших в пользу Швеции по условиям Столбовского мира, в гарнизоны набирались в том числе бывшие царские подданные. Шведское правительство осознавало, что составленные таким образом гарнизоны грозят оказаться ненадежными [6, с. 410]. Тем не менее при наборе на воинскую службу общей тенденцией было первоочередное пополнение лучшими кадрами армий, ведущих боевые действия, а приграничные гарнизоны формировались по остаточному принципу. Так, русские власти периодически получали с помощью лазутчиков сведения из-за шведского рубежа. В этих «вестях», в частности, отмечалось, что при наборе на воинскую службу шведы лучших людей верстают в подразделения, отправляемые на войну в Европу против «цесаря» (императора Священной Римской империи), а «для караулов» выбирают «худых людей» [7, л. 1].

Ожидания шведских правителей в отношении призванных на службу бывших русских подданных нередко оказывались верными, и ненадежность новых подданных Швеции действительно проявилась уже в первые годы после подписания мира. К примеру, в 1621 г. служивший в Копорье шведский подданный, пушкарь Васька по прозвищу Медведь в частном

разговоре поведал русскому подданному крестьянину Сеньке Савину, что шведы якобы собрали войска для похода под Великий Новгород, и как только он «про то подлинно проведает...», он, Васька, тотчас будет в Новгород на государево имя» [8, л. 65–66], т. е. изменит присяге шведскому королю. Этот случай демонстрирует, насколько рискованно для шведского правительства было привлекать в приграничные гарнизоны бывших царских подданных. Впрочем, следует отметить, что в связи с единством культурного приграничного пространства дезертиры пересекали рубеж в обе стороны: в русскую сторону бегали от воинских тягот шведские подданные, а русские солдаты, в свою очередь, укрывались от воинской службы в шведских порубежных селениях [9, л. 144 об.].

Необходимо отметить, что власти обеих стран в дипломатической переписке стремились подчеркнуть, что всецело соблюдают условия мирного договора и пойманных на своей стороне дезертиров отправляют восвояси. Так, в 1621 г. Индрик Флеминг, шведский комендант Нарвы (в русских документах – Ругодив) настоятельно просил новгородского воеводу князя Д. И. Мезецкого разыскать кнехтов, перебежавших на русскую сторону, и вернуть в Швецию. При этом комендант уверял, что, по его сведениям, «некоторые из тех кнехтов живут в Новгородском уезде у детей боярских». Воевода любезно ответил, что он «этих детей боярских перед собой ставил и расспрашивал накрепко» с целью выяснить, укрывают ли они дезертиров, но таковых обнаружить не удалось [8, л. 9]. В 1622 г. тот же новгородский воевода в послании к другому своему зарубежному коллеге наместнику Нотебурга (в русских документах – Орешек) Нильсу Ханссону специально упомянул, что на протяжении своего воеводства регулярно отсылал обратно всех дезертиров, бегавших из шведских гарнизонов в русские земли, и подробно перечислял такие случаи [10, с. 186]. Стремление русских приграничных властей показать шведским визави верность международным договоренностям о выдаче нелегальных трансграничных мигрантов, в том числе дезертиров, сохраняется и в дальнейшем. Так, в 1661 г. комендант шведской Нарвы получил послание от новгородского воеводы с информацией о том, что на русской стороне задержаны 15 «уроженцев датской земли», которые в Россию «пришли самовольством». Оказалось, что эти датчане были пленены шведскими войсками, после чего в Швеции «служили солдатскую службу». Русский воевода пишет, что отсылает дезертиров в Нарву с надеждой, что и шведский коллега будет всегда поступать таким же образом с возможными дезертирами с русской стороны [9, л. 8–12].

Отметим, что важной причиной дезертирства среди приграничного населения была отправка на

службу в дальние края. Начиная с 1648 г. русское правительство стало призывать мужчин приграничного Олонецкого уезда на военную службу «пашенными солдатами» (пехотинцами) и «драгунами» (кавалеристами) в «полки нового строя». Призванные крестьяне должны были обеспечивать себя со своей земли в период службы в местах проживания [11, с. 30–32]. Главной причиной дезертирства среди призванных на службу жителей Олонецкого уезда Д. В. Брусницына считает именно дальнюю службу и только потом другие воинские тяготы [12, с. 21].

Особенности миграций через границу желающих уклониться от воинской службы характеризует завязавшаяся в начале 1660-х гг. между шведскими и русскими пограничными властями переписка по поводу русских пашенных солдат, нашедших убежище на шведской территории. Не уведомив шведские власти, русский воевода Олонца отправил в шведское приграничье в погоню вооруженный отряд для поимки дезертиров, которые «сбежали и, в порубежной деревне укрываясь, жили». В результате беглецов отыскивали, захватили и пытались вывезти в русские пределы. Шведский комендант, прознавший про эту операцию, которую можно характеризовать, как вооруженный налет на земли соседней державы, в ярости отчитал своего русского коллегу: «По нашим рубежам русские беглые солдаты со стороны на сторону перебегают и держатся, и всякое воровство чинят, и тебе бы с русской земли надзирать..., а не насильством ночью на наш рубеж приезжать и в королевских деревнях ворота и двери ломать!» [9, л. 125 об.–147]. Таким образом, комендант прямо указывал на неспособность русских пограничных властей задерживать беглых солдат от пересечения границы («тебе бы с русской стороны надзирать»). С другой стороны, в его словах содержится и информация, повествующая также о неспособности (или нежелании) шведских приграничных властей прекратить миграции дезертиров: «со стороны на сторону перебегают». При этом комендант указывал на то обстоятельство, что русские «погонщики» целенаправленно ищут беглецов в деревнях, подвластных шведскому королю. Известным фактом является недоверие людей рассматриваемого периода к чужакам, неожиданно появившимся в тех или иных местностях: незнакомец рисковал подчас даже жизнью [13, л. 2]. Таким образом, приходится признать, что беглые солдаты имели достаточно длительные налаженные контакты по другую сторону границы и при совершении переходов были уверены в том, что их не выдадут властям. По обе стороны границы были заинтересованы в увеличении численности земледельцев, поэтому охотно укрывали перебежчиков, в том числе и беглых солдат, тем самым в определенной мере стимулируя дезертирство. Об этой проблеме и упо-

минает шведский комендант, говоря о возможности солдат не только пересекать границу в обоих направлениях, но и «держаться» там, опираясь на заступничество местного населения перед приграничными властями.

О том, что близость слабо охраняемой границы открывала дополнительные возможности приграничным жителям, желавшим избежать набора на военную службу, а уход за рубеж рассматривался при этом как вполне обычное дело, повествует, в частности, и другой документ. В 1657 г. в Шуезерский погост был направлен для высылки солдат и драгун поручик Головин. Крестьяне на мирском сходе решили общими усилиями отбиться от поручика, а если выгнать отряд из погоста не удастся, то уйти за рубеж, в шведские пределы [14, с. 262].

Отметим, что подданные шведского короля (не только православные, но и лютеране) также искали возможности уклониться от воинской службы посредством ухода за рубеж, пересекали границу и оседали на русской территории не менее успешно, чем царские подданные на шведских землях. Нередко на русской стороне дезертиров-лютеран обращали в православие и женили, чтобы прочнее привязать к новым хозяевам. К примеру, в 1622 г. трое шведских подданных-лютеран, «не захотя в Орешке в кнехтах быть», пробрались в русскую сторону, были крещены по православному обряду, получили новые имена, за них были выданы «дворовые девки» приютившего дезертиров землевладельца [15, л. 1]. Переходы лютеран в Россию с целью укрыться от тягот воинской судьбы были не единичны. Так, в 1628 г. псковские воеводы сообщали в Москву, что во Псков пришли три «немчина», которые прибыли из принадлежавшего Швеции Выборга, опасаясь набора на воинскую службу и отправки в дальние полки [16, с. 233].

Как мы выяснили, власти отправляли для поимки беглых солдат отряды, которые для исполнения поставленной задачи действовали подчас радикально, не останавливаясь перед вторжением на территорию соседнего государства. Другие документы, наоборот, повествуют о том, что отправленные для поимки беглецов сыщики зачастую действовали весьма неэффективно. Так, во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. тревожная ситуация сложилась в шведско-русском приграничье, в районе русской крепости Олонец. Отправленный в 1657 г. русскими властями для набора солдат и драгун Иван Дивов «воровал, в службу писал старых и увечных людей и малых ребят, для своей бездельной корысти, а которые в службу годны, тех не писал», получая за это взятки. В 1658 г. подрывать обороноспособность рубежей продолжили местные русские власти, которые за взятки же отпускали пашенных солдат из Олонца по домам, а в Москву докладывали, что солдаты эти сбегают сами,

и найти их не представляется возможным [17, с. 390–393]. Родственные и дружеские связи также оказывали свое влияние. Так, в начале 1660-х гг. в ходе расследования выяснилось, что из Великого Новгорода солдаты «бегут беспрестанно», но отыскать их практически невозможно, потому что отряженные для их поимки «сыщики» тех солдат не только что не ищут, но даже укрывают «потому, что они – одни новгородцы, друзья и хлебояжцы» [18, с. 496].

Сильное сопротивление поимке воинских людей оказывали церковные власти, в первую очередь – монастыри, стремившиеся удержать на своей земле как можно больше работников. Центральные власти, обеспокоенные разрастанием приграничного дезертирства, пытались применять драконовские меры к беглецам вплоть до казни [12, с. 22], но случалось, что пойманные беглые солдаты находили заступников среди священнослужителей. Так, в начале 1660-х гг. псковский протопоп Кондратий Кузмин организовал псковичей, совместно с которыми воспрепятствовал приведению в исполнение приговора в отношении дезертира: «у виселицы отбили и взяли его к себе» [18, с. 497].

В целом, несмотря на подчас суровые меры, декларируемые властями для пресечения дезертирства, трансграничная миграция с целью избежать воинских тягот сохраняла остроту для обеих стран-соседей долгие годы после заключения Столбовского мира. Положение дезертиров облегчалось благодаря поддержке местного населения, заинтересованного в получении дополнительных рабочих рук, сохранившимся после проведения нового рубежа трансграничным связям, а также по причине попустительства и мздоимства представителей власти, по своим служебным обязанностям призванных бороться с дезертирством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова О. Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Н. Миронова. – Н. Новгород, 2009.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 431.
3. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 416.
4. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 869.
5. Лайде М. Х. Национальный и социальный состав шведской армии в Эстляндии и Лифляндии во второй половине XVII в. (1654–1694 гг.) / М. Х. Лайде // XI Всеобщая конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии : тезисы докладов. – М., 1989. – С. 131–132.
6. Kokkonen J. Rajaseutu liikkeessa : Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650–1712) / J. Kokkonen. – Helsinki, 2002.

7. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 906.
8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 1. – Реестр 2. – 1621 г. – Д. 1.
9. Архив СПбИИ РАН. – Колл. 2. – Оп. 1. – Д. 28.
10. Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки / А. А. Селин. – СПб., 2016.
11. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. – Великий Новгород, 2003.
12. Брусницына Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье : опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. В. Брусницына. – СПб., 2014.
13. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 803.
14. Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке / Р. Б. Мюллер // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. – Петрозаводск, 1952. – С. 209–293.
15. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 801.
16. Акты Московского государства. Т. 1 / под ред. Н. А. Попова. – СПб., 1890.
17. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4 / под ред. М. Коркунова. – СПб., 1851.
18. Акты Московского государства. Т. 3 / под ред. Д. Я. Самоквасова. – СПб., 1901.

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Чепель А. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии

E-mail: achepel@mail.ru

Тел.: 8-921-359-41-96

*State Marine Technical University of St. Petersburg
Chepel A. I., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the History and Culturology Department*

E-mail: achepel@mail.ru

Tel.: 8-921-359-41-96